

Л. В. Щипкова

МОСКВА, РОССИЯ

Процессы самоорганизации православной молодёжи в 70-е годы XX века

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена религиозного возрождения в среде православной молодёжи Советского Союза 70-х годов XX века. Автор доказывает, что в описываемый период в среде части интеллектуальной советской молодёжи происходили процессы, которые можно охарактеризовать как советский религиозный ренессанс. Этот период совпал с приходом к власти Брежнева и временным ослаблением антирелигиозных гонений. В 1960–1970-х годах в СССР был принят ряд законодательных актов, облегчивших положение верующих и религиозных организаций, обеспечивших им сравнительно большие права. Однако государство оставляло за собой право вмешиваться во внутренние дела Церкви и жёстко контролировать её деятельность, в результате чего число православных приходов из года в год сокращалось. Тем не менее в умах и душах думающей советской молодёжи сформировался религиозно-направленный вектор. В 1970-е годы возникло несколько направлений, по которым разворачивался активный поиск форм духовной жизни. Одним из ярких явлений религиозного диссидентства стала проповедническая деятельность священника Дмитрия Дудко. Последователями о. Дмитрия в 1974 году был организован просветительский «Семинар Огородникова», названный так по имени

одного из его основателей. На семинаре изучали богословскую и философскую литературу, которую его участникам с большим трудом удавалось достать. Семинар стал издавать журнал «Община». Одновременно с московским христианским семинаром в Ленинграде появился религиозно-философский «Семинар Горичевой-Кривулина». В статье рассматривается история православного самиздата 1970-х годов, в особенности журналов «Община», «Вече», «Московский сборник». Православное возрождение 1970-х завершилось в начале 1980-х в результате жёсткого подавления со стороны советской власти, причём наибольшие сроки заключения получали, как правило, те его представители, которые придерживались русской патриотической направленности. Автор приходит к выводу о том, что идеи национально-ориентированных, патриотических деятелей и публицистов остаются востребованными и по сей день.

Ключевые слова: Семинар Огородникова, Семинар Горичевой-Кривулина, журнал «Община», журнал «Вече», журнал «Московский сборник», религиозное диссидентство, священник Дмитрий Дудко, православная молодёжь в СССР

Для цитирования: Щипкова Л. В. Процессы самоорганизации православной молодёжи в 70-е годы XX века // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 118–153. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-118-153

Тема религиозного возрождения 1970-х годов, вылившегося в религиозное правозащитное движение, всё ещё недостаточно изучена. На сегодняшний день мы опираемся в основном на западных авторов, таких как Джейн Эллис или Майкл Бурдо. Российская историография весьма неохотно освещает эту проблему. Однако, на наш взгляд, данный вопрос требует более широкого освещения и изучения, поскольку обращение к Церкви и религии в обстановке жесточайшего контроля со стороны государственных органов и подавления Церкви — явление прямо противоположное тому, чего ожидала власть, уверенная в успехе своей антирелигиозной пропаганды.

Настоящая статья описывает те процессы и виды самоорганизации православной молодёжи, которые наиболее значимы для того периода — это христианские семинары (Огородникова, Горичевой-Кривулина), представляющие форму самообразования молодёжи, а также журналы и альманахи («Община», «37», «Вече», «Московский сборник»), которые являлись

своеобразными «учебными пособиями», вводящими новоначальных в сферу духовного образования и политической актуальности.

Мы не разделяем мнение о том, что к 1970-м годам произошёл упадок религиозности, напротив, наблюдаем религиозный подъём, причины которого анализируем в этой статье.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В БРЕЖНЕВСКОМ СССР

Период 1970-х годов очень интересен с точки зрения изменений в политической международной обстановке. Подписание Хельсинских соглашений, в числе которых правительством Советского Союза была подписана «третья» гуманитарная корзина, — очень важный этап развития христианского противостояния государственному давлению на Церковь. Мы касаемся вопроса предшествующего периода хрущёвских гонений, смягчения давления на Церковь в период правления Л. И. Брежнева (своеобразной «оттепели» для верующих) и на этом фоне возникающего «религиозного ренессанса». К «олимпийскому» 1980 году религиозное православное движение молодёжи было подавлено, вопреки всем международным договорённостям.

Подавление Церкви как институционального организма («молчащая Церковь»), что особенно активно муссировали средства западной информации и «официальные» правозащитники, как ни странно, опровергается необычным и никем не ожидаемым расцветом религиозности среди интеллектуальной молодёжи, которую мы видим в «хельсинский» период. На фоне тотальной атеизации населения, запрета на религиозное образование и литературу, запрета на проповедь и религиозное воспитание детей в семье это выглядит удивительно. В итоге государственное подавление веры привело к совершенно противоположным результатам. В статье описываются те семинары и издания, свидетелем развития которых в 1970-е годы был сам автор настоящей статьи.

Описываемое время было отмечено в истории активными гонениями со стороны государства на все виды свободы совести. Чтобы лучше понять религиозные процессы в этот период, необходимо вернуться назад и рассмотреть время правления Н. С. Хрущёва (1953–1964). Только в Русской Православной Церкви за годы руководства Хрущёва из 8 православных семинарий было закрыто 5; из 60 монастырей к концу правления не закрытыми, действующими, осталось 16. Количество приходов сократилось с 13 500 до 7500, то есть почти в два раза. Например, в 1961 году было снято с регистрации 1390 православных приходов, а в 1962 году — 1585. Активно проводилась политика по недопущению молодёжи в духовные учебные

заведения. Так, в октябре 1962 года Совет по делам Русской Православной Церкви сообщал ЦК КПСС, что была проведена индивидуальная работа с абитуриентами и из 560 юношей, подавших заявления о приёме в семинарии в 1962 году, 490 заявления забрали. В эти годы были закрыты Киевская, Саратовская, Ставропольская, Минская, Волынская семинарии, открытые в 1945–1947 годах. И хотя вся антирелигиозная кампания была направлена против всех религиозных организаций, существовавших в то время на территории СССР, включая сектантов, как отмечал М. В. Шкаровский, главные атаки были направлены против Православной Церкви. За 1958–1964 годы число приходов РПЦ уменьшилось на 5863, а религиозных объединений других конфессий — только на 865 (Шкаровский 1999). Если в 1958 году количество храмов в Русской Церкви составляло 13 414, то в 1960 году их было уже 13 008. А к 1965 году у Русской Православной Церкви осталось 7551 храм (Кострюков 2018). Как указывал Д. В. Поспеловский, из действовавших в 1947 году восьми духовных семинарий после хрущёвской кампании осталось только три (из них две — при академиях, Московской и Ленинградской) (Поспеловский 1995). К 1963 году общее число православных приходов в СССР по сравнению с 1953-м было сокращено более чем вдвое. А. И. Филимонова приводит показательную статистику: в 1959 году РПЦ имела 63 монастыря и скита (из них 40 — на территории Украины, 14 — в Молдавии, три — в Белоруссии, четыре — в республиках Прибалтики и только два — в РСФСР) (Филимонова 2011).

Таким образом, мы можем констатировать, что к 1964 году Православная Церковь подошла обескровленной и ограбленной. И то, что на территории РСФСР оставалось только 2 монастыря, указывает на то, что предыдущие антирелигиозные кампании были направлены прежде всего на уничтожение именно русских монастырей, поэтому эти цифры нельзя использовать как доказательство более глубокой религиозности в национальных республиках.

В 1964 году к власти пришёл Л. И. Брежнев. Сосредоточив в своих руках управление страной, Брежнев продолжал рассматривать Церковь как идеологического противника, поэтому курс на постепенное сокращение храмов был продолжен, процветала антирелигиозная пропаганда и ущемление прав верующих. Так, например, в 1965 году на территории Советского Союза было 7853 храма, а в 1985 году — 6806.

И тем не менее уже с осени 1964 года стали явно заметны сдвиги и послабления в отношении Церкви. В октябре 1964 года в Верховном Суде СССР под председательством председателя Верховного Суда СССР А. Ф. Горкина прошло

Специальное совещание по вопросам нарушения социалистической законности в отношении верующих, а в январе 1965 года было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих» (Указ Президиума 1995), по которому многие верующие смогли вернуться домой из заключения.

30 сентября 1965 года Президиум ВС СССР принял секретный указ «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект “Свидетели Иеговы”, “Истинно-православные христиане”, “Иннокентьевцы”, “Адвентисты-реформисты” и членов их семей»¹, в соответствии с которым «сектанты» могли вернуться в родные места при условии получения разрешения от местных властей.

Можно говорить о некотором смягчении законодательства о культах, которое было направлено на стабилизацию государственно-церковных отношений и на исправление политической ситуации, сложившейся после агрессивных акций хрущёвской эпохи в отношении Церкви.

При этом Церковь как была, так и оставалась изгоем, классовым врагом. Церковная «оттепель» была следствием политической разрядки. Ниже будут освещены те условия, в которых оказалась Церковь в период «потепления» и «разрядки», выявлены попытки церковной власти сохранить Церковь как институцию, а пришедших к вере православных христиан — воспользоваться этой лакуной для восстановления религиозной жизни на фоне многолетнего жёсткого подавления свободы совести.

Надо отметить, что все постановления правительства в отношении религиозных культов выходили в эти годы с примечанием «не для печати», а значит, были закрыты для общественного обсуждения.

В 1965 году в результате объединения Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов был создан Совет по делам религий при Совете министров СССР (СДР СМ). Впервые положение о Совете по делам религий было опубликовано в открытой печати в отличие от предыдущих советов, положения о которых практически не были известны верующим и духовенству. Спустя десять лет в 1975 году в компетенции СДР был передан вопрос о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, который до того был в компетенции

¹ Указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект “Свидетели Иеговы”, “Истинно-православные христиане”, “Иннокентьевцы”, “Адвентисты-реформисты” и членов их семей // Томский мемориальный музей. — URL: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/ArhiwnDokuments/SSSR/SSSR_1918_1988/269-30-09-65-Ukaz-Prezidiuma-Verhovnogo-Soveta-SSSR.pdf?ysclid=lqguuok7ne922277541 (дата обращения: 23.01.2023).

местных властей. Совет имел право принимать решения об открытии и закрытии церквей, проверять деятельность религиозных организаций.

Однако это не убирало бюрократические препоны, так как, например, сроки рассмотрения жалоб и ходатайств со стороны верующих определены не были, да и жалобы на закрытие церкви поступали в ту же инстанцию, которая и выносила решение о её закрытии.

В обстановке смягчения международных отношений в середине 1970-х годов СССР с 23 марта 1976 года признаёт действие на своей территории Международного Пакта о гражданских и политических правах, который декларировал свободу вероисповеданий. Однако в подзаконных актах, изданных позже, были подтверждены и сохранены ограничения в отношении религиозных организаций, существовавшие прежде. В том же 1975 году ВС РСФСР был издан Указ «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года “О религиозных объединениях”». Он допускал некоторые послабления в отношении религиозных организаций, например Церковь получала право приобретать церковную утварь, транспортные средства и здания, но не имела ни юридических, ни имущественных прав на церковные здания, которые оставались в собственности государства. Верующие теряли право подавать апелляции в высшие инстанции по поводу закрытия храмов. Решение принимал только Совет по делам религий.

Особое место в период религиозной «оттепели» занимает так называемая брежневская Конституция, которая была принята в 1977 году. В статье 52 Конституции СССР впервые свобода совести гражданам «гарантировалась», а не «обеспечивалась» (как в Конституции 1936 года); «Антирелигиозная пропаганда» была заменена на «Атеистическую пропаганду»; запрещалось «возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями».

Статья 52 Конституции 1977 года: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви».

Для сравнения приведём текст статьи 124 Конституции 1936 года: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами».

Таким образом, более прогрессивная статья о свободе совести в Конституции 1977 года с появлением запрета возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями значительно расширила понятие равенства граждан. Замена «антирелигиозной» пропаганды на «атеистическую» тоже в те годы казалась данью более прогрессивному взгляду на свободу совести, так как антирелигиозная пропаганда подразумевала более воинственные действия против религии.

Опираясь на эти факты, можно констатировать, что период правления Брежнева был для Русской Церкви более благоприятным. Однако в реальной жизни видимая стабильность государственно-церковных отношений не привела к отказу от притеснения верующих, не отменила дискриминацию при приёме на работу или увольнение с работы родителей, крестивших детей, не дала право открыто исповедовать свою веру. Внешне такое давление стало более скрытым, закамуфлированным, более тонким. Государство по-прежнему оставляло за собой право вмешиваться во внутренние дела Церкви и жёстко контролировать её хозяйственную деятельность.

Поэтому по-прежнему закрывались храмы, разгонялись общины. Это делалось теперь тихо и под благовидным предлогом. С 1964 по 1975 год количество приходов в Русской Православной Церкви сократилось на 811. В среднем закрывалось по 50 храмов в год. К началу 1966 года у Русской Православной Церкви осталось 7523 храма и 16 монастырей. К 1971 году число приходов сократилось до 7274 (Шкаровский 1999: 342–346, 363, 365, 368–369, 371, 375–379, 382, 384–385, 387, 391; Цыпин 1997: 417).

***

Одним из самых важных событий во внешней политике Советского Союза, которое кардинально повлияло на дальнейшую историю страны, стало подписание в 1975 году Хельсинских соглашений.

После окончания Второй мировой войны её участники не подписали мирных договоров, которые бы официально закрепили окончание военных действий. Таким образом, не были закреплены и территориальные изменения государственных границ. После завершения военных действий были подписаны Пакты о капитуляции, а также военные соглашения странами-победительницами в отношении Германии и её союзников. Политическое руководство Советского Союза осознавало, что закрепление существующих границ — одна из важных задач для безопасности страны. Поэтому постоянно велись переговоры на площадке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в результате чего

1 августа 1975 года в Хельсинки был подписан Заключительный акт между главами 35 государств. Этот документ закрепил послевоенные границы в Европе и дал толчок процессам разоружения. Помимо экономических соглашений и пунктов по международной безопасности в документе была прописана «третья», гуманитарная корзина, в продвижении которой большую заинтересованность проявляли США. Соблюдение прав и свобод человека составляли основное наполнение этой корзины. Эта гуманитарная составляющая, казалось, не предвещала ничего опасного для советского государства, однако, как оказалось впоследствии, именно эта корзина дала возможность странам Запада вмешиваться во внутренние дела Советского Союза и всколыхнуть диссидентское движение.

Практически сразу же после подписания Хельсинских соглашений советское диссидентское движение получает системное оформление и профессионализируется. Возникают хельсинские группы по надзору за соблюдением гуманитарно-политических разделов Хельсинских соглашений.

Первая группа была создана в Москве 12 мая 1976 года. Она называлась «Группа содействия выполнению хельсинских соглашений в СССР». Позже подобные группы были созданы на Украине и в Грузии.

Параллельно с политическим диссидентским движением начало развиваться религиозное диссидентство. Всплеск интереса образованной молодёжи к религиозным вопросам в 1970-е годы, ставший полной неожиданностью для советской власти, продолжает привлекать внимание исследователей. Обусловленный слабостью и косностью идеологического бездуховного наполнения в позднем СССР, интерес к религиозным вопросам заполнил те пустоты, которые образовывались в головах и душах думающей молодёжи. Появление религиозно-направленного вектора в молодёжном движении было обусловлено не только антирелигиозной политикой государства и слабостью поставленных под жёсткий контроль традиционных религиозных институтов, но и внутренней жаждой молодёжи к живому общению и поиску нравственной парадигмы. В 1970-е годы возникло несколько направлений, по которым разворачивался активный поиск форм духовной жизни.

Модели самоорганизации православной молодёжи будут рассмотрены на примере религиозно-философских объединений Москвы и Ленинграда. При этом нельзя не принимать во внимание деятельность некоторых представителей старшего поколения, сыгравших важную роль в процессах, имевших место в поздний советский период и вовлечённых в тесное общение с ищущей молодёжью.

ПРОПОВЕДИ СВЯЩЕННИКА ДМИТРИЯ ДУДКО

Одним из ярких явлений религиозного диссидентства явилась проповедническая деятельность священника Дмитрия Дудко. Во времена сталинских гонений он провёл в лагерях восемь с половиной лет. Рукоположенный в сан священника в 1960 году, в семидесятые годы он стал известен православным кругам Москвы своими проповедями, в это время священнику шёл уже шестой десяток. Протоиерей Дмитрий вопреки запрету уполномоченных по делам религий стал произносить проповеди в храме, затрагивать важные для людей проблемы.

Люди шли в храм послушать живое слово священника, задать свои вопросы. Дудко хорошо понимал, что в результате отсутствия литературы, систематического обучения, прервавшейся богословской традиции к нему приходили люди по большей части неверующие, но всегда интересующиеся. Его делом было вернуть их к православию, зажечь искру интереса, убрать страх. В те годы священник не мог выходить за врата храма со своей проповедью. Атеистическое государство всячески препятствовало таким контактам. Но Дудко пошёл на риск, он стал произносить проповеди, начал общаться с прихожанами, отвечать на их вопросы. Вопросы можно было оставлять в письменном виде, и после всенощной в субботу о. Дмитрий отвечал на них. Эти публичные выступления пользовались большой популярностью, их переписывали от руки, перепечатывали, распространяли в виде магнитофонных записей. В книге «Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие» английская исследовательница Джейн Эллис писала: «Ничего подобного в Советском Союзе раньше не знали. Никогда ещё священник не давал таких ясных, простых и верных ответов на вопросы своих прихожан о христианской вере. Воздействие этих бесед как на верующих, так и на неверующих было поразительным. Слушать о. Димитрия собирались люди со всей Москвы, а также из других, более отдалённых мест» (Эллис 1990: 43). Западные радиостанции часто транслировали его проповеди.

Он служил сначала в Москве на Преображенке, затем в селе Кабаново Орехово-Зуевского района, потом его перевели служить в село Гребнево, которое находится на Фряновском шоссе недалеко от г. Фрязина. В 1977 году автор этой статьи познакомилась с о. Дмитрием именно в этом приходе. Общительный, доступный, он собирал вокруг себя толпы молодёжи. Беседы, трапеза, разговоры, вопросы-ответы — всё это создавало атмосферу притягательную, живую, радостную. Он почти всегда улыбался и ни в чём не отказывал: мог тайно крестить, мог обвенчать,

чтобы никто не знал. Отец Дмитрий бережно относился к молодёжи. Часто настаивал на том, чтобы молодые люди поступали в светские институты и ни в коем случае их не бросали. Он заботился о судьбе молодых людей, которые начинали свой путь в вере, помогал деньгами попавшим в тяжёлую жизненную ситуацию.

За границей были изданы многие из его проповедей. Переведённый в Париже на французский язык сборник проповедей «О нашем уповании» студенты Сорбонны признали лучшей книжной новинкой 1974 года. Спустя два года в Канаде были напечатаны его книги «Верю, Господи» и «Воскресные беседы». В брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» была издана книга «Вовремя и не вовремя», а в 1979 году во Франкфурте-на-Майне — «Враг внутри».

В 1976 году о. Дмитрий Дудко подписал «Экуменическое воззвание» — обращение верующих разных конфессий к Президиуму Верховного Совета СССР и Всемирному Совету Церквей, в котором говорилось о дискриминации верующих, вмешательстве государства в дела религиозных общин. В 1980 году о. Дмитрий Дудко был арестован и обвинён в антисоветской деятельности. Он провёл полгода в следственном изоляторе Лефортовской тюрьмы. Священник, которому к этому времени было почти 60 лет, под давлением следствия 5 июня 1980 года обратился с открытым письмом к патриарху Пимену, где заявил, что никогда не боролся против советской власти. 20 июня 1980 года во время Московской Олимпиады по телевидению было показано его выступление, осуждающее его прежнюю деятельность. Агентство печати «Новости» передало заявление о. Дмитрия иностранным журналистам. На следующий день его освободили. С 10 октября 1980-го по 22 мая 1982 года он служил, находясь под следствием, пока его дело не было закрыто.

Молодые люди, его прихожане, духовные чада тяжело переживали заявление о. Дмитрия, ведь многие утвердились в своей вере через его проповеди и общение с ним.

Главный редактор «Вестника РСХД» Никита Струве опубликовал статью «Что случилось с о. Дмитрием Дудко?», в которой обвинил Дудко в том, что он «поддаётся давно известному политическому соблазну, который именуется “национал-большевизмом”»². Струве осудил Дудко за то, что тот «высказал свою поддержку художнику Глазунову». Струве пишет: «Глазунов, даже если его картины и пробуждают какие-то национальные чувства, — глубоко

² Вестник РСХД. — 1980. — № 132. — С. 232. — URL: <https://www.rp-net.ru/book/vestnik/> (дата обращения: 23.01.2023).

порочное явление»³, так как «нельзя одновременно живописать Брежнева и “русские лики”, как нельзя служить одновременно двум господам»⁴. Редактор «Вестника РСХД» отказывает художнику в выборе нравственной парадигмы, своего видения, художественного осмысления исторического пути России, его Родины, которой он служит своим искусством. Пробуждение национальных чувств как императива творчества не устраивает Струве, поскольку, видимо, это не укладывается в его понятие любви к Родине, в его понятие свободы творчества, индивидуальности — всё тонет в политической ангажированности. С одной стороны, Струве поддерживал критические высказывания отца Дмитрия в адрес атеистической власти, с другой — осуждал его русофильство и дружбу с Ильёй Глазуновым.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СЕМИНАР ОГОРОДНИКОВА

«Вокруг отца Дмитрия Дудко крутилось довольно много православной и околоправославной молодёжи. Надо сказать, что его приходская община не была так чётко организована и структурирована, как, скажем, общинные группы отца Александра Меня. Его последователи съезжались в подмосковные деревни Кабаново, затем Гребнево, где служил отец Дмитрий на субботу и воскресенье, порой до ста пятидесяти человек набивалось в избушку. Вечером долго вычитывали правила, исповедовались, наутро — литургия; основное общение протекало за трапезами, переходящими в долгие разговоры. Здесь люди знакомились, здесь завязывалась дружба, возникали симпатии и антипатии, здесь рождались всевозможные идеи. В том числе и идея создать некий “семинар” для самообразования. Ведь для большинства участников этих встреч дорога в духовную семинарию была закрыта, так как на всех чадах отца Дмитрия стоял “антисоветский” штамп»⁵.

Идея семинара принадлежала двум молодым интеллектуалам Александру Огородникову и Владимиру Порешу. Семинар этот вошёл в историю религиозно-диссидентского движения как «Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения», который ещё называли Семинаром Огородникова по имени его основателя. Он собрал многих молодых людей из разных регионов России. Практически годом его становления стал 1974-й. «Чаще всего, по-видимому, речь шла о глубоком и систематическом

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Щипков А. В. Огородников и другие: как это было. Интервью Александра Щипкова журналу «Истина и жизнь» // РЕЛИГИЯ И СМИ. — 30 июня 2004 — URL: http://www.religare.ru/2_9782.html (дата обращения: 23.01.2023).

изучении Писания, отцов Церкви и крупных русских философов и богословов, хотя, конечно, приходилось довольствоваться теми книгами, которые с большим трудом удавалось достать» (Элис 1990: 159), — писала Дж. Элис.

На семинарах участники изучали богословие и философию. Всепоглощающая жажда знания и атмосфера духовного голода толкали мыслящую молодёжь искать источник «воды живой» — христианской веры. Найти учителя в такой сфере, как духовное образование, в Стране Советов было практически невозможно, потому молодые люди собирались на квартирах, «доставали» книги, читали и пытались понять смыслы богословской науки и философии, читали святых отцов. Изучение было несистемное, спорадическое, однако же и это давало свои плоды.

Один из участников семинара священник Владимир Соколов так описывал свои ощущения тех лет: «Для меня была важна атмосфера, те, у кого я учился, глядя им буквально в рот, пожирал все знания. Недаром он назывался семинар, для меня это была семинария. Если уж говорить о семинарии, я тогда её закончил. А потом уже заканчивал настоящую семинарию, имея то “семинарское” образование. Оно было и систематичным, и регулярным, потому что мы относились к этому серьёзно. Я неоднократно переписывал лекции, читал книги, а книги были редкостью, которыми мы обменивались. Я стал вести конспекты, хотя конспекты мне мало помогали, они отвлекали меня от слушания. Мне надо было вслушиваться. Я буквально жрал знания эти, жрал. Настолько была душа истощена, надо было её кормить. А взять негде было. В семинарию в те годы меня не взяли бы, а хотелось всё узнать, потому что всё было новое»⁶.

Другой, более зрелый участник семинара, Т. Н. Щипкова, учёный, кандидат филологических наук, так описывала тот дух, который витал на заседаниях семинара: «Эти встречи православной молодёжи, их беседы, доклады и споры давали мне то, чего я не могла найти ни на академических конференциях, ни за чайным столом уважаемых друзей — теплоту христианского общения, ничем не стеснённое стремление мысли, погружение в сферу духовного. Естественным результатом этой работы стал журнал — концентрация творческих сил участников Семинара. Мне особенно близко то, что и Семинар, и журнал проникнуты религиозным духом; общественные вопросы затрагиваются лишь

⁶ Интервью свящ. Владимира Соколова. 2009 г. // Архив автора.

в связи с религиозными. Политическая проблема не входит в поле зрения семинарских занятий»⁷.

В план семинара были включены, например, такие темы:

- Современная Церковь и индустриальный космос.
- Тело Церкви. /«Духовные основы жизни» — В. Соловьёв/
- Православие. /Святые отцы — В. Лосский/
- Личность и соборность. /Хомяков, Соловьёв, кн. Трубецкие, С. Франк/
- Попытка построения православного мирозерцания.
- Русская идея. /Хомяков, Достоевский, Соловьёв, Бердяев/
- Духовное строительство. /Русская Православная идея: актуализация/
- Христианское учение о личности и теория личности в современной психологии. /«О личности» — Л. Карсавин/
- Тип русской святости. Святые и государство. /Преп. Сергей Радонежский, бл. кн. Александр Невский, св. Филипп Московский/
- Пути и своеобразие тверской святости в историческом теле Православной Церкви. /Св. Арсений Тверской, св. кн. Михаил Тверской, св. Анна Кашинская, св. Савватий Оршинский, преп. Нил Столбенский/
- Беседы о. Дмитрия Дудко. О. Дмитрий как образ пастыря в современном секулярном мире.
- Истоки и смысл русской церковно-национальной жизни и идеи.
- Оживление русского религиозного сознания от Хомякова до наших дней.
- Современные неопиты и Церковь. Репетиция неопитского опыта.
- Что есть истина? «Понятие истины у Платона» М. Хайдеггер — не-сокрытость церковной истины.
- Свобода и необходимость. /Схема Кант — Бердяев. Тайна личности/
- Судьбы современного гуманизма.
- Русское религиозное миропереживание. /На материале русской литературы/
- Ф. М. Достоевский. Истоки творчества: Полифонизм и меннипея, или Святоотеческое предание. Полемика с М. Бахтиным.

Это далеко не полный перечень тем, которые интересовали молодых христиан семидесятых годов, но и он показывает, насколько разнообразны были их интересы.

⁷ Вестник РСХД. — 1979. — № 130. — С. 345. — URL: <https://www.rp-net.ru/book/vestnik/> (дата обращения: 23.01.2023).

В течение 1974–1978 годов у «семинаристов» появляется ещё одна цель — практическое создание общины, приходит идея издавать журнал. Таким образом, практически после перерыва в несколько десятилетий в среде православной молодёжи возникает движение освоения православного жительствова. Однако отсутствие опыта у его носителей приводит часто к сложностям в отношениях. Это абсолютно закономерно в тех непростых обстоятельствах давления со стороны власти. Но желание вернуться в другую, отличную от советской парадигму отношений было очень сильно. Большинство молодёжи, участвовавшей в семинаре, имело высшее образование. Уже в те годы это были образованные люди, но жажда философского и богословского образования, глубокое стремление почувствовать, что такое вера и Бог, привели их к попыткам создать христианское общежитие. Именно поэтому и журнал, который они начинают издавать, так и был назван «Община». Первый номер журнала был изъят при обыске у А. Огородникова, но второй всё-таки вышел в самиздате в 1978 году. В журнале в качестве программного документа была опубликована «Декларация принципов семинара» и тексты нескольких докладов, прочитанных на семинаре. В «Декларации принципов Семинара» говорилось: «Россия ныне переживает второе религиозное Возрождение, предсказанное ещё русскими святыми подвижниками и религиозными мыслителями. Оно обнаруживает неожиданное многообразие форм, бурное, порою хаотическое, требующее своего исследования и осмысления. Жертвенная кровь Церкви стала семенем нашего Возрождения, а условия гонений определили его вынужденно сокрытый характер»⁸.

Журнал должен был служить поиску «путей соборного единения тех, кто страдает от унижения личности и переживает нашу разделённость как русскую трагедию», а также поиску диалога «с инославными братьями во всём мире для изыскания выхода из мирового духовного кризиса»⁹.

Особое внимание участники семинара концентрировали на моментах расхождения идей русских религиозных философов начала XX века и позиции Русской Православной Церкви. Неофитов-семинаристов особенно привлекала независимость суждений философов начала века. Критика государственной власти в работах В. Соловьёва, о. Сергия Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Г. Флоровского и других религиозных философов оказалась близкой молодым интеллектуалам, ищущим философскую опору в неприятии богоборческой власти.

⁸ Община. — 1978. — № 2.

⁹ Там же.

Литературный отдел журнала «Община» вышел под редакцией талантливое духовного поэта Олега Охупкина, в нём были опубликованы его собственные стихи, а также запрещённая в те годы поэма Даниила Андреева «Ленинградский Апокалипсис».

Просуществовал семинар до 1980 года и вошёл в историю как самый жестоко разгромленный семинар. Результатом гонений со стороны властей стало самое большое количество посадок, увольнений с работы, из учебных заведений, большие сроки заключения — так оценила власть плоды деятельности философского семинара. С 1978 по 1980 год были арестованы А. Огородников, В. Пореш, Т. Щипкова, С. Ермолаев, В. Бурцев, В. Папков, Л. Регельсон. А. Щипков был исключён из института и призван в ряды Советской армии в Туркестанский военный округ. Семинар прекратил своё существование перед летней Олимпиадой в Москве 1980 года.

Вопрос такого жестокого подавления Христианского семинара в Москве, Ленинграде и Смоленске требует особого размышления и анализа. Во-первых, конечно, желание властей накануне Олимпиады освободить Москву и другие города, где должны были появляться иностранцы, от диссидентов и правозащитников. Советское правительство стремилось максимально воспрепятствовать контактам иностранных гостей с диссидентами. Во-вторых, испугала, по-видимому, практическая направленность деятельности Семинара, его самоорганизация, вовлечённость большого количества молодёжи. Из всех известных на тот момент семинаров и организаций православной молодёжи трудно найти подобного рода организацию, открыто и организованно декларирующую свою веру. Конечно, органы госбезопасности совершенно точно знали, что семинары существуют не только для самообразования. Покупка дома, попытка создать православную общину, жить, общаться, вместе воспитывать детей — всё это было слишком ярко и слишком противоречило советской идеологии позднего СССР. Достаточно активной можно считать диссидентско-андеграундную жизнь и в Ленинграде. В 1970-е годы число такого рода форм религиозного самообразования и самоорганизации в этом городе исчислялось полутора десятками. Их участники приходили в эти кружки разными путями: кто через увлечение восточной философией и йогой, кто через интерес к европейской культуре, кто через немецкую философию, кто через разочарование в марксизме.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ СЕМИНАР ГОРИЧЕВОЙ-КРИВУЛИНА

Одновременно с московским Христианским семинаром в Ленинграде появился религиозно-философский семинар «37». Его основателями были философ Татьяна Горичева и поэт Виктор Кривулин, супруги, которые назвали семинар по номеру квартиры, в которой они жили по улице Курляндской. Здесь проводились религиозно-философские встречи, поэтические чтения, обсуждения новинок литературы и искусства. В отличие от Семинара Огородникова, здесь наблюдался больший процент людей неверующих, последователей йоги, язычников, бывали там и иудеи, католики и баптисты. В этом смысле по составу семинар «37» был более размытым, или экуменическим, как называют его западные исследователи (Д. Элис). Если в Семинаре Огородникова его участников в основном интересовали такие темы, как «Православие и Россия», «Православие и история», то семинар Горичевой-Кривулина ориентировался на христианство, литературу и философию. Обсуждались вопросы поиска путей современной культуры, вопросы соединения христианской и современной неофициальной культуры. Горичева и Кривулин издавали журнал, который, как и семинар, имел название «37». «Молодожёны вместе с Львом Рудкевичем поселяются в полуподвальной квартире 37 по Курляндской улице и почти сразу объявляют о начале работы двух семинаров — «Религиозно-философском» (его вела Горичева) и семинара о культуре начала века в современном восприятии (Кривулин). А в январе 1976-го все трое становятся редакторами первого номера журнала «37», в котором «религия женится на поэзии в долгом и не всегда счастливом союзе»¹⁰, — пишет исследователь М. Берг. С 1976 по 1981 год вышел 21 номер.

Журнал распространялся в Москве, Ленинграде, других городах, а также нелегально переправлялся за границу. Тираж журнала по тем временам был очень большим — 200 экземпляров. Самые интересные разделы журнала были отданы философии и литературе, особенно поэзии, так как Татьяна Горичева занималась философией, а Виктор Кривулин — поэзией. В отличие от Христианского семинара Огородникова, семинар «37» был исключительно образовательной площадкой. Весь первый год слушатели изучали раннехристианских богословов и отцов Церкви. Читались доклады о Филоне Александрийском, гностиках, Тертуллиане, Афанасии Великом, Клименте Александрийском, Оригене

¹⁰ Берг М. Несколько соображений к биографии В. Кривулина // Звезда. — 2018. — № 9. — URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/9/neskolko-soobrazhenij-k-biografii-v-krivulina.html> (дата обращения: 23.01.2023).

и других. Эта область знаний в те годы была практически под запретом. «Конфессиональный» состав был разнородный. «Если сравнить наш семинар с Огородниковым — это просто несравнимо. У них были одни православные. Так сказать, отбор людей. К ним приезжали люди откуда-то из Сибири, из Казани, из Минска... У нас же было только приблизительно пять человек православных, которые каждый день ходили в церковь. Остальные ходили в церковь раз в год или вообще были атеисты, или агностики, или какие-то магометане, или какие-то йоги. Было всё, что угодно...» — рассказывала Татьяна Горичева много лет спустя¹¹.

В отличие от семинара Огородникова, семинар «37» был более толерантным в отношении веры. Как указывает Джейн Эллис, встречи часто начинались и заканчивались молитвой, но иногда участники перед началом молились по-православному, а в конце — по-баптистски. В 1979 году образовался кружок для изучения католического богословия, его участники иногда встречались для молитвы с католической молодёжью (Эллис 1990: 177). Таким образом, ленинградский семинар выглядел более размытым с точки зрения конфессиональной принадлежности. С другой стороны, семинар Кривулина, карточного игрока, неопита и, как он сам себя позиционировал, «религиозного (спиритуального) поэта», привносил в семинар и журнал дух авантюризма и игры с властью: «Если семинары (пусть и не столь яркие) не были новостью в андеграундской среде, то выход толстого журнала — это качественно другая проблематика игры с властью»¹².

«Содержание журнала делилось на два блока — собственно литературный и философско-религиозный. Чуть позже важную роль стал играть раздел переводов. Поначалу журнал строился так, чтобы в него была включена целиком книга стихов одного автора. Так, в 76–78 годах под обложкой “37” были опубликованы первые книги Елены Шварц, Ольги Седаковой, Всеволода Некрасова. <...> Прозу “37” не публиковал (за исключением главы из романа Георгия Сомова о Пушкине). В первых номерах “37” преобладали ленинградцы — Охупкин, Миронов, Сергей Стратановский и др., но со временем всё большее место в литературном разделе “37” занимают представители московского андеграунда. Здесь

¹¹ Горичева Т. Татьяна Горичева: Из комсомола в экзистенциализм // Правмир. — 20 марта 2014. — URL: www.pravmir.ru/tatyana-goricheva-iz-komsomola-v-eksizistencializm/ (дата обращения: 23.01.2023).

¹² Берг М. Несколько соображений к биографии В. Кривулина // Звезда. — 2018. — № 9. — URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/9/neskolko-soobrazhenij-k-biografii-v-krivulina.html> (дата обращения: 23.01.2023).

были опубликованы “Сонеты на рубашках” Генриха Сапгира, стихи Ивана Жданова, Дмитрия Пригова и Льва Рубинштейна (“Каталог комедийных новшеств”), документация по акциям “Коллективных действий” Андрея Монастырского, перформансам Франциско Инфантэ и т. д. В “37” появилась и самиздатская критика, например материалы дискуссии о поэзии И. Бродского», — вспоминал сам Виктор Кривулин¹³.

Особенно интересным представляется видение процессов самоорганизации православной молодёжи в это время глазами представителей андеграундной культуры в Ленинграде, где отличия от московских религиозных диссидентов были значительными. Многие приходили в православие, привлечённые идеей отверженности православия властью. М. Берг пишет: «Православие справедливо интерпретировалось в послеоттепельный период как козырь, обеспеченный всей силой предыдущего государственного давления. Чем больше было давление, тем значение козыря перспективно увеличивалось, и культура это попыталась использовать»¹⁴.

«Конфессиональный состав» семинара Горичевой — Кривулина был настолько неопределённым и разнородным, что назвать его христианским по составу участников мы можем с большой натяжкой. Да и проблемы обсуждались на этих площадках совершенно разные. Если в Москве, как подчёркивала и сама Татьяна Горичева, — «молились мученикам русским. Основная тема у них была — историософия России, судьба России, страдание... то у нас этой проблемы не было»¹⁵.

В Ленинграде больше интересовались тем, «как совместить ...христианство и творчество. Потому что творчество — это гордыня, это понятно всем. Тогда мы стали говорить о творчестве и свободе, о творчестве и послушании»¹⁶.

Интересна трансформация интересов руководителей этого семинара, которая произошла совсем скоро, в конце 1970-х годов. Брачный союз Горичева — Кривулин распался, и Горичева уходит в феминизм, а Виктор

¹³ Кривулин В. Золотой Век Самиздата // Русская виртуальная библиотека. — 2019. — URL: <https://rvb.ru/np/publication/00.htm> (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁴ Берг М. Несколько соображений к биографии В. Кривулина // Звезда. — 2018. — № 9. — URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/9/neskolko-soobrazhenij-k-biografii-v-krivulina.html> (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁵ Татьяна Горичева: Мне надоели подвальность и элитарность «Второй культуры» // Гефтер. — 2016. — URL: <https://gefter.ru/archive/17640?ysclid=lm0qi2hg38324456> (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁶ Горичева Т. Татьяна Горичева: Из комсомола в экзистенциализм // Правмир. — 20 марта 2014. — URL: www.pravmir.ru/tatyana-goricheva-iz-komsomola-v-eksistencializm/ (дата обращения: 23.01.2023).

Кривулин с Сергеем Дедюлиным начинают издавать чисто поэтический журнал «Северная почта».

В начале 1979 года в Ленинграде появляется совершенно новое для России православное феминистское движение. В него вошли четыре женщины, бывшие участницы семинара «37»: Ю. Вознесенская, Н. Малаховская, Т. Мамонова и Т. Горичева. По словам Горичевой, они все были «радикально антикоммунистически настроены», и все, кроме Мамоновой, верующие. Они приступили к изданию альманаха «Женщина и Россия», а затем журнала «Мария». Трансформация православного семинара в феминистский произошла накануне московской Олимпиады 1980 года.

Новое движение отличалось невероятной активностью, яркими политическими акциями. 10 декабря 1979 года в День прав человека активистки вышли к Казанскому собору и попытались развернуть плакаты за права угнетённой женщины. Довольно быстро в группе произошёл раскол: Татьяна Мамонова организовала группу антицерковных феминисток. Другие участницы остались на прежних позициях. Перед Олимпиадой Малаховскую, Вознесенскую и Горичеву арестовали и предложили им покинуть страну. Они согласились. Так закончилась деятельность основательницы христианского семинара «37» Татьяны Горичевой в России.

Вот две цитаты Горичевой, которые проясняют её внутренний строй как христианского философа.

«С одной стороны, советская женщина где-то действительно эмансипирована. Она вынуждена быть сильной, и она становится центром общества. А с другой стороны, у неё совсем другие проблемы. Например, проблема внутреннего рабства, когда женщина готова на всё, чтобы сохранить мужчину. [она]... образована, но всё забывает и превращается в животное (курсив. — Л. Щ.). Здесь масса проблем, которые не пересекаются с западными, с нормальной, так сказать, жизнью на Западе»¹⁷.

«Я всегда говорю, что самые страшные преступники — это не коммунисты, которые борются с христианами, не большевики, которые борются с христианами, а плохие христиане (курсив. — Л. Щ.)»¹⁸.

Переориентация с христианской тематики на правозащитную и феминистскую стала итогом вектора «игры с властью», которая, по словам

¹⁷ Татьяна Горичева: Мне надоели подвальность и элитарность «Второй культуры» // Гефтер. — 2016. — URL: <https://gefeter.ru/archive/17640?ysclid=lm0qi2hg38324456> (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁸ Там же.

Михаила Берга, способствовала скатыванию деятельности в более политизированную и правозащитную направленность. Все издания, вышедшие практически за один год существования этой феминистской группы (альманах «Женщина и Россия», журнал «Мария»), были не столько религиозно-философскими, сколько политическими. Религиозно-нравственные вопросы ушли на второй план, а гендерный — стал главным. Все женщины были, по словам Горичевой, «радикально антикоммунистически настроены», их интерес сдвинулся в сторону протестных акций. Именно в редакции журнала «Мария» прошла первая в СССР феминистская конференция. Было подготовлено и опубликовано «Обращение к матерям», в котором авторы призвали женщин не отдавать своих сыновей в армию и выступить против войны в Афганистане.

Такая быстрая, спонтанная и поспешная перекавалификация с одного рода деятельности на другой, с религиозно-образовательной на политическую, даёт основание предполагать, что деятельность такой скороспелой феминистской организации была направлена преимущественно на пиар-акции с целью выезда за рубеж.

ХРИСТИАНСКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЕРУЮЩИХ В СССР

В 1976 году, практически сразу после подписания Хельсинских соглашений, в Москве была основана Московская Хельсинская группа, неправительственная общественная организация для содействия практическому выполнению гуманитарных статей Заключительного акта Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В конце того же года был создан Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, который действовал при Московской Хельсинской группе. Основателями этого правозащитного комитета стали священник Глеб Якунин, иеродьякон за штатом Варсонофий (Хайбулин) и мирянин Виктор Капитанчук. 27 декабря 1976 года в Москве была проведена пресс-конференция, на которой было объявлено о его создании, а также опубликована декларация, в которой указывались цели и задачи комитета и обозначалась направленность будущей деятельности.

Очень быстро Христианский комитет вошёл в контакт с Исследовательским центром имени Вашингтона в Сан-Франциско, который аккумулировал информацию, пересылаемую ему Комитетом. Об этом пишет английская исследовательница религиозного диссидентства в России Джейн Эллис в книге «Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие» (Эллис 1990: 149).

Центр Вашингтона получал из СССР информацию о преследованиях как православных верующих, так и верующих других конфессий. К марту 1980 года в Америке было издано 423 документа, что составило 11 томов на русском языке и ещё один том избранных материалов на английском. Сам Христианский комитет выпустил 64 документа. Среди них были обращения, адресованные Папе Римскому Иоанну-Павлу II, Вселенскому патриарху Димитрию, Архиепископу Кентерберийскому, ВСЦ и президенту США Картеру, целью которых было привлечение внимания к фактам нарушения прав верующих в СССР. Интересно одно из посланий Папе Римскому Иоанну-Павлу II, датированное 2 апреля 1979 года. В нём члены Христианского комитета защиты прав верующих обвинили Московскую Патриархию в связях с Советом по делам религий. Обращение утверждало, что опасно думать, будто официальные органы РПЦ являются свободными и представительными учреждениями (Эллис 1990: 151).

Таким образом, Папа Римский становится главной инстанцией, к которой апеллируют православные правозащитники. Позже к ним присоединился и «Католический комитет защиты прав верующих», который появился в Литве в 1978 году.

В письме от 22 ноября 1978 года эти два правозащитных комитета предлагают понтифику «стать лидером в защите прав человека в области религиозной свободы и выступить с инициативой заключения международного соглашения о правах человека в области религии и создания международной комиссии по наблюдению за её выполнением» (Его святейшеству Папе Римскому 1979: 1009).

Как пишут в своей статье А. Беглов и Н. Белякова, авторы писем надеялись, что римский понтифик вступит в прямой диалог без участия церковной иерархии их страны (Беглов А., Белякова Н. 2021: 188). Активные действия правозащитных комитетов явились следствием провалов внешней политики Советского Союза и активного давления западных стран на внутреннюю политику. В практическом смысле они воспользовались брешью в виде третьей «корзины» для активизации своих действий и привлечения зарубежного внимания к религиозным проблемам.

В 1979 году о. Глеб Якунин был арестован, в следующем году арестовали и Виктора Капитанчука, с арестом которого закончился первый и самый продуктивный период работы комитета. По мнению Джейн Эллис, в последующие годы было отправлено на Запад очень мало информации, которая представлена была лишь краткими документами «без подробных аналитических разработок» (Эллис 1990: 157).

ПРАВОСЛАВНЫЙ САМИЗДАТ

Активизация религиозной самиздатской периодики сразу после подписания Хельсинских соглашений в истории диссидентского движения представлена сборниками «Надежда». Они начали выходить в самиздате с 1976 года, а впоследствии стали печататься для верующих в Советском Союзе издательством «Посев». Их составителем стала Зоя Александровна Крахмальникова. В 1971 году она пришла в православие и с этого времени начала заниматься религиозной деятельностью, печаталась в самиздате, в журналах «Грани» и «Вестник РСХД».

В 1976 году по благословению иерархов Русской Православной Церкви Заграницей Крахмальникова стала выпускать самиздатский машинописный православный альманах «Надежда (Христианское чтение)». Он носил историко-просветительский характер: там публиковались сочинения отцов Церкви, свидетельства, письма из ссылки священников и епископов, современные работы по православному богословию, беседы священника Дмитрия Дудко и её собственные статьи о православной культуре. Со временем сборник стали перепечатывать на Западе в издательстве «Посев». В начале этой деятельности духовником Крахмальниковой был о. Дмитрий Дудко. После выхода десяти номеров журнал был закрыт, а её редактор арестован. Зоя Крахмальникова была арестована 4 августа 1982 года в Москве и осуждена по 70-й статье к одному году лагеря и пяти годам ссылки. Получило широкое распространение её последнее слово на суде. То, что она сказала в зале суда, поражает своей глубиной и христианским смирением: «В появлении “Надежды” не было ни моей заслуги, ни моей вины, я всего лишь попыталась восстановить то, что было оборвано шестьдесят лет назад. Богу было угодно, чтобы Христианское чтение возобновилось здесь, на русской земле, которая была крещена тысячу лет назад, и если не я, так эту работу выполнил бы кто-нибудь другой. “Надежда” делалась для верующих, для всех, кто ищет Слово Божие, а потому в издании этих книг в том или другом издательстве за рубежом нет никакого преступления... Радуйтесь, а не огорчайтесь, ибо во всём воля Божия... Слава Богу за всё!»¹⁹

***

С середины 1960-х годов отмечается патриотический подъём среди интеллигенции. В это время в печати появляются имена Василия Белова,

¹⁹ Зоя Александровна Крахмальникова (1929–2008) // Электронная библиотека Александра Белоусенко. — 24 мая 2003. — URL: http://www.belousenko.com/wr_Krakhmalnikova.htm (дата обращения: 23.06.2023).

Валентина Распутина, Владимира Солоухина. Своеобразной штаб-квартирой патриотически настроенных литераторов становится журнал «Молодая гвардия». В диссидентской среде этот идеологический нарратив подхватывает Владимир Осипов, диссидент, только что вышедший из зоны после 7-летнего срока заключения. Он инициирует издание журнала «Вече» и становится его главным редактором.

Позднее В. Осипов определит это время как «исторический шанс»: «Этот исторический шанс был в период того самого подъёма патриотического сознания русской интеллигенции во вторую половину шестидесятых — начало семидесятых годов. В это время я уже издавал журнал “Вече”, и все мои соратники, “молодогвардейцы”, с которыми я был тесно связан, все они желали мирной трансформации советского режима в национальный государственный строй» (Осипов 2012: 149).

По словам самого Осипова, журнал он задумал ещё в лагере²⁰. Само название «Вече», по словам автора, восходит к древним Новгороду и Пскову, где существовало вече — русская форма парламентаризма домонгольской Руси. «Название “Вече” мы связываем с духом соборности, разнообразия и терпимости, который издревле характерен для русского народа» (Осипов 1972). Первый номер журнала вышел 19 января 1971 года.

В 2008 году в учебнике истории России место самиздатского журнала «Вече» определяется следующим образом: «Важным событием в русском либерально-патриотическом движении стало появление журнала “Вече”, который тоже был своеобразным ответом на диссидентские либеральные и национальные издания. ... Журнал задумывался как лояльный по отношению к власти (на обложке значились фамилия и адрес редактора)» (Барсенков 2008: 562). Можно, конечно, подвергнуть сомнению утверждение, что журнал задумывался как лояльный по отношению к власти, так как уже давно опубликованы воспоминания главного редактора, в которых ясно прочитывается, что сам Осипов и его журнал конечно же были погружены в политику и старались влиять на неё. Для человека, отсидевшего 7 лет в лагерях и прекрасно понимавшего всю опасность такой деятельности, приходилось быть осторожным. Поэтому и в программной статье, и на допросах — везде он отрицал обвинения в том, что «Вече» антисоветский журнал, говорил о его аполитичности, поскольку такие обвинения грозили перекалфикацией статьи на более тяжёлую.

²⁰ Жоголев А. Последний герой // Благовест. — 08.02.2002. — URL: https://благовестсамара.рф/-public_page_8296 (дата обращения: 23.06.2023).

Издание журнала «Вече» было закономерным процессом развития русского национально-патриотического движения, которое в общем русле диссидентских движений продолжало традицию, начатую в Ленинграде 1960-х годов молодыми интеллектуалами. Возникшая в 1964 году тайная организация Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН) помимо резкой критики марксистско-ленинской доктрины и материалистического мировоззрения предлагала в своей программе идеальную модель построения будущей свободной России с ориентацией на христианские ценности, так называемый христианский социализм. В Программу был включён план преобразований СССР на национально-православной основе. Основатели ВСХСОН — Игорь Огурцов, Евгений Вагин, Михаил Садо, Борис Аверичкин — опирались в своих разработках на «Русскую идею» Н. А. Бердяева. Союз просуществовал до 1967 года, когда большинство его членов были арестованы и получили длительные сроки заключения. В 1970-е годы таким центром, ориентированным на христианские ценности и национальные корни, становится русский патриотический журнал «Вече», появившийся в самиздате в 1971 году и просуществовавший до 1973 года. Его редактором Владимиром Осиповым было подготовлено и выпущено за три года 9 номеров. Объём каждого номера был достаточно внушительным — от ста до двухсот страниц машинописного текста на листах формата А4. В это время с журналом сотрудничал один из «всхсоновцев», к этому времени уже вышедший из заключения, Леонид Бородин, впоследствии ставший известным писателем и редактором журнала «Москва».

Структура журнала представляла собой фактически один основной раздел, где печатались статьи, посвящённые вопросам науки, литературы, истории, философии, демографии, культуры. Кроме того, имелись рубрики: «Критика и библиография», «Наша почта», «Хроника».

Конечно, в тех сложных условиях несвободы, подавления любого инакомыслия выражать свою политическую позицию было очень сложно. Осипов неоднократно писал, что «Вече» не является политическим изданием. В журнале было много материалов «...о забытых русских мыслителях христианского направления, таких как Хомяков, Леонтьев, Киреевский, Достоевский; исторические очерки, например о генерале Скобелеве; статьи о православии, религиозной философии, по охране окружающей среды, охране памятников истории и культуры и т. п.»²¹. Всё это, конечно, было вписано в актуальный политический контекст.

²¹ Там же.

По признанию Осипова, он печатал те статьи, которые не брали толстые официальные журналы. Под псевдонимом была напечатана статья известного демографа о сокращении численности русского народа. После высылки Солженицына были опубликованы материалы его полемики с Сахаровым. Свой православный журнал Осипов называл умеренно-патриотическим и сознательно аполитичным. «Не считал нужным... попутно даже в устной форме обличать существующий строй. Я говорил лишь, что стране нужна другая идеология, национально-патриотическая, государственническая идеология, но политику КПСС и Советского государства я не трогал»²².

Духовником журнала был уже упоминавшийся ранее о. Дмитрий Дудко. Он также вёл религиозный отдел журнала. В каждом номере под псевдонимом печатались его проповеди.

В сложных условиях государственно-полицейского давления Владимир Осипов начал издавать журнал, совершенно ясно осознавая цели и задачи, которые он ставил перед своим изданием. Ими были: защита от гибели памятников материального и духовного творчества; воспитание уважения к своим национальным святыням (культура, история), к своему национальному достоинству; способствование восстановлению преемственности русской культуры, что есть залог дальнейшего культурного развития; поддержка любви к Родине и к Православной Церкви; обсуждение животрепещущих проблем современной национальной жизни и современной русской культуры (Осипов 1972).

Позиция Владимира Осипова не совпадала с основным вектором диссидентского правозащитного движения, который был направлен на развал, уничтожение, обличение страны, движение в сторону западных ценностей, желания покинуть страну, не иметь с ней ничего общего. Сразу после выхода первого номера журнала радио «Свобода» опубликовало 27 февраля 1971 года неожиданно негативный отклик на журнал и назвало его «подпольным и крайне шовинистическим». На что Осипов в предисловии ко второму номеру заявил протест (Русина 2017: 155).

Всю историю существования этого журнала его критиковали за русский патриотизм. Осипов писал: «Мы не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного — укрепления русской национальной культуры, патриотических тенденций в духе славянофилов и Достоевского,

²² Наш современник. — 2009. — № 3.

утверждения самобытности и величия России. Что касается политических проблем, то они не входят в тематику нашего журнала»²³.

Обвинения Осипова в подпольном существовании журнала, как об этом заявило радио «Свобода», не выдерживают никакой критики: своё имя и почтовый адрес Владимир Николаевич указывал открыто на обложке каждого номера. Таким образом, издатель фактически уличал во лжи западные средства массовой информации. Такое предвзятое отношение к самиздатскому изданию, которое находилось в очень стеснённых финансовых и жизненных условиях, в условиях несвободы, «двойные стандарты» западной прессы с позиции современных политических реалий уже не вызывают удивления, но тогда это было нечто неслыханное. Более половины статей в журнале были опубликованы под псевдонимами из-за опасения, что авторы могут лишиться работы. Такое бережное отношение к людям, надо сказать, не всегда присутствовало в диссидентском сообществе. Вызывает уважение то, что Владимир Осипов работал открыто, и при этом он очень бережно относился к авторам, стараясь оградить их от опасности.

Удивляет и то, что в сложных условиях несвободы и постоянной слежки издатели старались выдерживать периодичность журнала. Наверное, впервые в истории самиздата появился журнал, который рассылался во многие города Советского Союза по подписке, его получали не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Твери, Ярославле, Архангельске, Магадане, Нальчике, Воткинске, Магнитогорске, Барнауле, в Краснодарском крае, в Гороховце и других городах.

Большую роль в том, что журнал состоялся как явление, по признанию самого Владимира Осипова, сыграл художник Илья Глазунов. В рамках этой статьи нет возможности осветить ту огромную роль, которую этот человек играл в художественной жизни того времени. Однако о его влиянии и помощи религиозным диссидентам необходимо упомянуть. Осипов вспоминал: «Мне лично он помогал советами в издании ...помню, как, отложив все дела, он соучаствовал в написании редакционной статьи с отповедью русофобу Яковлеву из аппарата. Тогда тот клеймил национально мыслящих историков и литераторов, стреляя цитатами из Маркса и Ленина, а позже, при демократах, проявил себя как махровый антикоммунист, требовавший Нюрнбергского суда над КПСС. Многие либералы, поносившие “отщепенцев”, сами потом оказались агентами влияния США. Например, у них вызвала ярость картина [И. Глазунова]

²³ Вече. — 1971. — № 2.

“За ваше здоровье!”, и они прямо доносили властям, что автор — антисоветчик. Известный писатель Владимир Солоухин сам признаётся в своих книгах, что его, обыкновенного советского литератора, превратил в борца за русскую культуру именно Илья Сергеевич. А ведь как раз с солоухинских “Писем из Русского музея”, опубликованных в “Молодой гвардии” (и я думаю, едва ли не продиктованных Глазуновым), началась славянофильская полоса в этом прежде унылом комсомольском ежемесячнике. Когда мы говорим о таком важном общественном явлении 60-х годов, как появление русофильского журнала “Молодая гвардия”, где, кстати, публиковался тогда и Глазунов, я готов сопоставить по значимости влияние этого журнала на общественную атмосферу в стране с влиянием и самой живописи Ильи Глазунова. Его выставки, часто прерываемые и запрещающиеся, воспитывали массу людей в русском духе» (Осипов 2012: 654).

Многие диссиденты с благодарностью вспоминали Илью Глазунова. Леонид Бородин прекрасно описал самого художника и его квартиру в Калашном переулке в те годы: «В этом смысле квартира Глазунова была микроплощадкой русского бытия... Дело в том, что квартира Глазунова — площадка — была ещё и крохотным полем, где, как уже сказал, вроде бы и под контролем, но прорастало то самое “русистское”, что так основательно тревожило руководителя КГБ. За два с лишним года моего обитания у Глазунова я был свидетелем нескольких подлинных обращений людей, пришедших к Глазунову Бог знает кем, а ушедших, иногда даже порвав отношения с Ильёй Сергеевичем, прочно “обращёнными”. Кое-кто из таковых сегодня в лидерах патриотического направления. Ни от кого из них ни разу не слышал и слова о роли Глазунова в их “образовании”... К слову, вся немногочисленная диссидентская “русская партия” фактически жила на средства Глазунова. От шапки до ботинок — все от него. Пишущие машинки, пяти-томники Н. Гумилёва парижского издания, всякий прочий “тамиздат” — от “Посева” до “Континента” и “Русского возрождения”... Даже зажигалки... В моей жизни между двумя сроками был период, когда в течение нескольких месяцев мы с женой не могли найти работу. На руках ребёнок... Когда б не И. С. Глазунов да И. Р. Шафаревич — не представляю, как бы выжили...»²⁴

В 1974 году было возбуждено уголовное дело против Владимира Осипова. К этому времени у него на руках было приглашение Amnesty International на выезд за границу. Несмотря на арест, он мог бы покинуть

²⁴ Бородин Л. И. Без выбора // Викичтение. — URL: <https://biography.wikireading.ru/125089> (дата обращения: 23.06.2023).

страну, так как во время допроса следователи открыто предлагали ему воспользоваться этим приглашением. Благодаря его мемуарам мы можем сегодня услышать его голос, его нравственный выбор, который было очень непросто сделать. Осипов описывает свою первую ночь в камере после ареста: «Первая ночь в камере на голых нарах. Спал, укрывшись плащом. Спал беспокойно. Может быть, мне следовало уехать на Запад? Ведь приглашение было, и сам арест, я чувствовал, откладывался в надежде, что я уеду. “Держись, Осипов! Неси свой крест за Россию!” — подбадривал я себя, отменяя сомнения» (Осипов 2008: 101).

Владимир Осипов был осуждён по статье 70 на 8 лет лагерей. Освободился он только в 1982 году.

Леонид Бородин, который, как мы увидим далее, продолжил традицию русской патриотической прессы, сказал: «Не суд и не судилище даже, а уголовная расправа. <...> Судили за любовь к Родине. За то, что посмел любить её, замордованную, не по рецептам блокнота агитатора, а по зову души, по высшему и благороднейшему человеческому инстинкту» (Бородин 1990).

В 1968 году в Мордовии в Дубравлаге Владимир Осипов познакомился с членом ВСХСОН Леонидом Бородиным. Бородин был арестован в феврале 1967 года и осуждён по делу ВСХСОН по статье 70 («антисоветская агитация и пропаганда») на 6 лет лагерей строгого режима. Срок отбывал в колонии в Мордовии и в тюрьме во Владимире. Это был его первый срок. В начале 1970-х он начал сотрудничать с журналом «Вече».

В. Осипов пишет: «Он стал, по существу, членом редколлегии. Измученный ворохом проблем, в начале января 1974 г. я собирался передать ему бразды правления журналом и имел с ним доверительный разговор (который КГБ, по-видимому, подслушал). И по странному стечению обстоятельств буквально через несколько дней, как он согласился стать редактором, в том же январе 1974 г., его домик в Калужской области, на другом “101-м километре”, сгорел среди бела дня. Леонид Иванович едва успел выкинуть кое-какие вещи» (Осипов 2008: 93).

В 1975 году Леонид Бородин начинает издавать «Московский сборник», периодический машинописный религиозно-философский и литературный альманах. В это время журнал «Вече» перестал выходить, Владимир Осипов был арестован. Леонид Бородин, задумывая издание журнала, который бы продолжил традиции почвеннической русской православной периодики, конечно, осознавал всю опасность такого шага. «В такой вот интеллектуальной обстановке заявить русскую тему

в качестве позитива означало исключить себя из состава “порядочных людей”, стать объектом гнусных намёков и быть навсегда исключённым из интеллигенции» (Бородин 1990).

Название «Московский сборник» он заимствовал у обер-прокурора Синода Константина Победоносцева, идеолога русского консерватизма, который был редактором журнала с таким же названием в конце XIX века. «Незадолго до своего второго ареста я как-то с азартом перечитал “Московский сборник” и переписку К. П. Победоносцева. Боже! Какая же трагическая личность предстала предо мной в итоге прочитанного. Он, этот ненавистный тогдашнему обществу человек, может быть, один только он и понимал обречённость России на революцию. Страна требовала реформ и всяких вольностей — он видел в этом путь ускорения революции. Консерваторы требовали ужесточения режима, он и в этом видел всё то же самое — ускорение революционного процесса. И как мне кажется, сознательно из двух равно безнадёжных средств выбрал то, каковое хотя бы по чистой видимости “вредило” — тормозило ненавистный ему процесс духовного и политического распада Империи»²⁵.

Первый выпуск «Московского сборника» вышел в январе 1975-го и был посвящён памяти правозащитника и редактора самиздатских альманахов «Феникс» Юрия Галанского, умершего в ноябре 1972-го в мордовском лагере. Статья «Проблемы нации и религии» открывала основной раздел и была посвящена ему. В 1-м номере вышла статья А. Скуратова (псевдоним Анатолия Иванова) «Триумф самоубийц». Её публикация была начата в журнале «Вече», а после его закрытия продолжена в «Московском сборнике». Здесь же опубликована статья Геннадия Шиманова «О доверии и ответственности в браке». Цикл статей о семье и браке Шиманов начал публиковать ещё ранее в издававшемся В. Осиповым журнале «Земля», который прекратил своё существование в связи с арестом его редактора. Была напечатана интересная статья «Л. М. Лопатин и Московский университет в 20–80 годах», анонимная статья «О положении Православной Церкви в Грузии», «О молитве Господней» Льва Карсавина (в разделе «Неизвестные работы русских писателей»).

Раздел «Переводы» был представлен статьей архимандрита Мефодия «Отец Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой». В разделе «Проза и поэзия» опубликована анонимная повесть «Отчизна неизвестная», а также рассказ А. Березовского «Посещение» и стихи С. Васильева.

²⁵ Там же.

В апреле 1975 года, после конфискации макета 3-го номера, Бородин был вызван в КГБ, и ему было сделано «последнее предупреждение». В этих условиях выпуск «Московского сборника» был прекращён.

В мае 1982 года за публикации художественных произведений в западных изданиях советский суд приговорил Бородина к неслыханно большому сроку: 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. Из заключения Бородин вышел в 1987 году. В 2013 году в издательстве журнала «Москва» вышло собрание сочинений Леонида Бородина в 7 томах.

***

Таким образом, к началу 1980-х годов в Советском Союзе закончился период «религиозного ренессанса». Практически все перечисленные активности православной молодёжи к этому времени были разгромлены и перестали существовать. За исключением Горичевой и Кривулина все православные лидеры получили большие сроки заключения.

Мы можем констатировать, что с особой жестокостью были подавлены те инициативы, которые можно причислить к патриотической линии. Именно эти религиозные диссиденты отказывались от эмиграции, именно они оставались в стране и получали наибольшие сроки по «антисоветской» 70-й статье.

Идеологическое разногласие между христианскими и коммунистическими ценностями в описываемый период истории приобрело наиболее непримиримый характер. Этот период высветил и ещё одну проблему, которая в современной России с началом Специальной военной операции на Украине приобрела актуальное значение. 5 октября 2023 года на пленарной сессии XX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» президент России Владимир Путин заявил, что на международной арене будущее — за национально ориентированными силами. Это утверждение актуально и для внутренней политики.

Именно национально ориентированные интересы выражали большинство авторов описанных в данной статье религиозных семинаров и групп: «Община», «Вече», «Московский сборник». Эти люди в годы гонений на православную веру ценой своего жизненного благополучия и свободы защищали традиционные православные ценности. Осмысление их идей и борьбы на современном этапе международного политического противостояния приобретает особую актуальность и ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. — М., 2008.

Беглов А., Белякова Н. «Пишите хоть Папе Римскому». Письма верующих из СССР римскому понтифику: формирование и бытование традиции // Государство, религия, церковь. — 2021. — № 4 (39).

Бородин Л. И. Мужество // Литературная Россия. — 1990. — № 7.

Его святейшеству Папе Римскому Иоанну-Павлу II открытое письмо // Документы христианского комитета защиты прав верующих в СССР. Documents of the Christian Committee for the Defence of the Believers Rights in the USSR. Washigton Research Center. Vol.10. — М., 1979.

Кострюков А. А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008). — М. : Изд-во ПСТГУ, 2018.

Осипов В. Н. «Подвиг Глазунова». Возрождение русской идеологии. — М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.

Осипов В. Н. Беседа редактора «Вече» В. Н. Осипова с корреспондентом Ассошиэйтед пресс // Вече. — 1972. — № 6.

Осипов В. Н. Корень нации. Записки русофила. — М. : Алгоритм, 2008.

Осипов В. Н. Поле духовной брани. На вопросы главного редактора «Информ 600 секунд» отвечает В. Н. Осипов // Возрождение русской идеологии. — М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М. : Республика, 1995.

Русина Ю. А. Периодика в самиздате: русский патриотический журнал «Вече» (1971–1973 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2017. — № 1 (17).

Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. “О религиозных объединениях”» // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. М. Штриккер. — М. : Пропилеи, 1995.

Филимонова А. И. Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. — М. : Книжный дом «Либроком», 2011.

- Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917–1997. — М., 1997.
- Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.) // Материалы по истории церкви. Кн. 24. — М. : Изд-во Крутицкого подворья : О-во любителей церковной истории, 1999.
- Эллис Д. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. — Лондон: OPI, 1990.

Сведения об авторе:

Щипкова Любовь Васильевна — политолог, Россия, Москва,
e-mail: lv@shchipkova.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 18.11.2023.

L. V. Shchipkova

MOSCOW, RUSSIA

Self-Organization Processes of Orthodox Youth in the 1970s

Abstract. This article explores the phenomenon of religious revival among the Orthodox youth in the Soviet Union during the 1970s. The author argues that during this period, some processes took place within a segment of the intellectual Soviet youth that could be described as the Soviet religious renaissance. This phase coincided with Brezhnev's rise to power and a temporary easing of anti-religious persecution. In the 1960s–70s, the USSR passed several legislative acts that improved the conditions for believers and religious organizations, granting them comparatively greater rights. However, the state retained the authority to intervene in the Church's internal affairs and rigorously control its activities, leading to a decline in the number of Orthodox parishes from year to year. Nevertheless, a religious-oriented vector was forming in the minds and souls of the thinking Soviet youth. In the 1970s, several movements emerged, actively seeking forms of spiritual life. One notable phenomenon of religious dissidence was the preaching activities of priest Dmitry Dudko. In 1974, followers of Father Dmitry organized the enlightening "Ogorodnikov Seminar", named after one of its founders. The seminar studied theological and philosophical literature, which its participants struggled to obtain. The seminar later began publishing the journal "Obshchina" (Community). Simultaneously with the Moscow christian seminar, the religious and philosophical Goricheva-Krivulin Seminar emerged in Leningrad. The article delves into the history of

Orthodox samizdat (self-published works and underground press) in the 1970s, particularly the journals “Obshchina” (Community) “Veche” (Popular Assembly), and “Moskovsky Sbornik” (Moscow Collection). The Orthodox revival of the 1970s culminated in the early 1980s due to severe repression by Soviet authorities. Typically, those representatives aligned with Russian patriotic ideologies received the longest prison sentences. The author concludes that the ideas of nationally-oriented, patriotic figures and publicists remain relevant to this day.

Keywords: Ogorodnikov Seminar, Goricheva-Krivulin Seminar, Obshchina journal, Veche journal, Moskovsky Sbornik journal, religious dissidence, priest Dmitry Dudko, Orthodox youth in USSR

For citation: Shchipkova, L. V. (2023). Self-Organization Processes of Orthodox Youth in the 1970s. *Orthodoxia*, (4), 118–153. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-118-153

REFERENCES:

Barsenkov, A. S., Vdovin, A. I. (2008). *Istoriia Rossii. 1917–2007* [History of Russia. 1917–2007]. Moscow. [In Russian].

Beglov, A., Beliakova, N. (2021). “Pishite khot’ Pape Rimskomu”. *Pis’ma veruiushchikh iz SSSR rimskomu pontifiku: formirovanie i bytovanie traditsii* [“Write at Least to the Pope”. Letters of Believers from the USSR to the Roman Pontiff: the Formation and Existence of Tradition]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’*, (4). [In Russian].

Borodin, L. I. (1990). Muzhestvo [Courage]. *Literaturnaia Rossiia*, (7). [In Russian].

Ego sviateishestvu Pape Rimskomu Ioannu-Pavlu II otkrytoe pis’mo [To His Holiness Pope John Paul II an Open Letter]. (1979). In *Dokumenty khristianskogo komiteta zashchity prav veruiushchikh v SSSR. Documents of the Christian Committee for the Defence of the Believers Rights in the USSR. Washigton Research Center* (vol. 10). Moscow. [In Russian].

Kostiukov, A. A. (2018). *Lektsii po istorii Russkoi Tserkvi (1917–2008)* [Lectures on the History of the Russian Church (1917–2008)]. Moscow: Izdatel’svo PSTGU. [In Russian].

Osipov, V. N. (2012). “Podvig Glazunova”. [“Glazunov’s Feat”]. In *Vozrozhdenie russkoi ideologii*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm. [In Russian].

Osipov, V. N. (1972). Beseda redaktora “Veche” V. N. Osipova s korrespondentom Assoshieited press [Conversation of the Editor of “Veche” V. N. Osipov with a Correspondent of the Associated Press]. Veche, (6). [In Russian].

Osipov, V. N. (2008). Koren' natsii. Zapiski rusofila [The Root of the Nation. Notes of a Russophile]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Osipov, V. N. (2012). Pole dukhovnoi brani. Na voprosy glavnogo redaktora “Inform 600 sekund” otvechaet V. N. Osipov [The Field of Spiritual Warfare. V. N. Osipov Answers the Questions of the Editor-in-Chief of Inform 600 Seconds]. (2012). In *Vozrozhdenie russkoi ideologii*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm. [In Russian].

Pospelovsky, D. V. (1995). Russkaia pravoslavnaia tserkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika. [In Russian].

Rusina, Iu. A. (2017). Periodika v samizdate: russky patriotichesky zhurnal “Veche” (1971–1973 gg.) [Periodicals in Samizdat: the Russian Patriotic Journal “Veche” (1971–1973)]. Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii, (1). [In Russian].

Ukaz Prezidiuma VS RSFSR “O vnesenii izmeneny i dopolneny v postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 8 aprelia 1929 g. «O religioznykh ob”edineniiakh»” [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR “On Amendments and Additions to the Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the RSFSR Dated April 8, 1929 “On Religious Associations”]. (1995). In *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v sovetskoe vremia (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenii mezhdru gosudarstvom i tserkov'iu*. Moscow: Propilei. [In Russian].

Filimonova, A. I. (2011). Gosudarstvo i tserkov' v XX veke: evoliutsiia vzaimootnosheny, politichesky i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy [The State and the Church in the XX Century: the Evolution of Relationships, Political and Socio-Cultural Aspects. The Experience of Russia and Europe]. Moscow: Knizhnyi dom “Librokom”. [In Russian].

Tsylin, V., protoierei. (1997). Istoriia Russkoi Tserkvi 1917–1997 [Russian Church History 1917–1997]. Moscow. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (1999). Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve: (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 g.) [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: (State-Church Relations in the USSR in 1939–1964)]. In *Materialy po istorii tserkvi. Kn. 24*. Moscow: Izd-vo Krutitskogo podvor'ia: O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Ellis, D. (1990). Russkaia pravoslavnaia tserkov'. Soglasie i inakomyslie [The Russian Orthodox Church. Consent and Dissent]. London: OPI. [In Russian].

About the author:

Lyubov Vasilievna Shchipkova — political scientist, Moscow, Russia, e-mail: lv@shchipkova.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 18.11.2023.